

Воскресенье Москва
23. VI. 58.

Театр города-героя

Спектакли Сталинградского драматического театра

В СТОЛИЦЕ гастролирует Сталинградский драматический театр имени Горького. Интерес к этому театру москвичей особый. Ведь к нам приехал не просто еще один хороший театральный коллектив, но театр города-героя, показывавший свои спектакли сталинградцам, когда только отгремели бои.

В репертуаре гостей две пьесы о героях Великой Отечественной войны, написанные местными авторами. — «Звезды на крыльях» И. Волокитина и В. Костина и «Сыновья» А. Шейнина. Именно эти спектакли (хотя на афише театра стоят и «Разбойники» Шиллера, и «Обрыв» Гончарова, и многие другие интересные названия) привлекают особое внимание, позволяют говорить о своеобразном творческом лице коллектива.

«Звезды на крыльях» (режиссер В. Меньчинский) — это спектакль о героических подвигах наших летчиков, о войне, об испытании силы и характера советского народа.

Советский летчик Новиков доложил своему командиру майору Репину, что бомбы, сброшенные им над фашистским аэродромом, уничтожили боевые машины врага. Но Репин больше поверил снимку, по которому оказывалось, что самолеты после бомбежки остались целыми. А снимок, как потом выяснилось, подделали фашисты. Новикова объявили лгуном и трусом... Эта история, лежащая в основе пьесы Волокитина и Костина, вызывает серьезные размышления, переходящие за рамки сюжета, не обрывающиеся вместе с падением занавеса.

Актеры А. Высоцкий (Новиков) и Д. Ярский (Репин) раскрывают в характерах своих героев не только конкретное содержание, что диктовалось условиями и обстановкой войны, но и те черты типического, которые присущи подобным характерам и в годы мира, в годы созидательного строительства.

И все же хочется сказать начинающим авторам и театру, с ними работавшему, что в пьесе этой много существенных просчетов, которых могло бы и не быть, если бы делалось меньше скидок на так называемую «местную» пьесу, если бы была проявлена более серьезная требовательность к рассказу о наших современниках. В пьесе зачастую берет верх над характерами и их психологическим

раскрытием самый банальный штампованный детектив, где уже невозможно отличить врага от друга, где мелькающие со сказочной быстротой невероятные приключения переходят за грань реального, где на выручку, как в сказке, приходят разные добрые силы.

Малоправдоподобные, надоевшие атрибуты «шпионских» пьес и повестей могли бы и не присутствовать в драме, где есть интересные, живые характеры и острые, правдивые конфликты.

Думается, что сейчас, когда от войны нас отделяют многие годы серьезных о ней раздумий, уже нельзя наивно и плакатно писать характеры вратов, детски доверчивых, истерически трусливых и сказочно легковых. К сожалению, именно так написаны в этой пьесе образы фашистов — полковника Кауфмана и майора Вагнера, которые при всех стараниях артистов В. Клюкина и Б. Ганаго выглядят соломенными мишенями, угодливо подставляющими то голову, то руки, то ноги под обстрел противника.

В спектакле этом есть хорошие режиссерские находки. Это и первая сцена двух влюбленных — лейтенанта Жердева и сержанта Кольцовой, и немецкий солдат, как по команде просыпающийся при слове «партизаны», и песня партизан, под которую деловито минируется мост, где пройдут вражеские эшелоны.

Но так же, как авторы в пьесе, режиссер в спектакле не всегда доверяет живой жизни и образному ее раскрытию в характерах, вводя в действие наглядные иллюстрации к диалогам и событиям (игрушечные самолеты, движущиеся вагончики и т. д.). Таких всегда неправдоподобных в искусстве фотографий жизни не должно быть в спектакле о людях и их скромном, простом подвиге во имя Родины.

БОЛЕЕ цельное впечатление с точки зрения законов драмы и логики развития человеческих характеров производит другой спектакль сталинградцев (реж. Н. Покровский), посвященный этой же эпохе в жизни страны, — «Сыновья» А. Шейнина. Призыв к интернациональной солидарности трудящихся, провозглашающий спектакль, судьба простого русского воина Павла Пальгунова, погибшего в Мадриде за свободу испанского народа, и сына Долорес Ибаррури (по пьесе — Габриэлла Игнассари) Хуана, отдавшего жизнь под Сталинградом за свободу Советской России, — все это не может не волновать сегодня нашего зрителя, не будить в душе его лучшие, самые светлые чувства патриота, гражданина, верного друга всех, кто борется против рабства и унижения человека.

В этом спектакле много настоящих актерских удач: это и старый рабочий Василий Пальгунов (В. Акимов), и жена его Евдокия Кондратьевна (Е. Мязина), и сын их Павел (арт. К. Сеницын), и подруга дочери их Марины Таса (арт. В. Ермакова), и Габриэлла Игнассари (арт. Е. Евгеньева), и сын ее Хуан (арт. Ю. Сагьянц), и школьный дружок Марины Толя (арт. Ю. Горбунов). Во всех этих образах есть правда жизни, современное боевое отношение актера к создаваемому характеру, хороший вкус художников и горячая любовь к своим героям.

Но и в этой пьесе, как и в «Звездах на крыльях», много лишнего, уводящего от центральной мысли, когда автор боится утратить зрительский интерес и главному, приводя на помощь нехитрые развлечения и отступления. Это и стремление Тасы обрести поскорее мужа, и рассказы ее, довольно грубоватые и пошлые, о будущей семейной жизни, и мало проясненный образ друга Павла —

Петра, настойчиво пытающегося объяснить всем, какой он плохой. Все это мельчит цельные, интересные характеры, вносит в пьесу элемент схемы, мешает отжаться хорошей радости знакомства с новой для нас темой, с новыми, душевно чистыми и красивыми людьми.

В обеих этих пьесах, показанных на сцене Сталинградского театра, — огромное количество картин, разбивающих общее художественное впечатление, затягивающих действие, а зачастую и попросту ненужных, как сцена в бомбоубежище («Сыновья»), пролог и эпилог в «Звездах на крыльях».

И ЕЩЕ одно общее для этих спектаклей замечание.

Актеры Сталинградского театра любят сильное и прямое выражение чувств, волнующих их героев. Им не чужды романтическая приподнятость образа, некоторое стремление к яркой и страстной мелодраме, что вовсе не противоречит реалистической ткани спектакля. Так зачем же сознательно сковывать себя, зачем скрывать темперамент, оставаться спокойным там, где из груди рвутся страсть и буря, зачем показывать людей холодными и бесчувственными, когда ясно, что у самого актера горит и трепещет сердце? Сцены, например, Павла в лагере испанских революционеров, матери Павла в разговоре с отцом о смерти сына («Сыновья»), сцены Новикова и его невесты, Новикова и Репина («Звезды на крыльях») могли бы прозвучать эмоциональнее и выразительнее.

Об этом, думается, стоит поразмыслить коллективу Сталинградского театра, чтобы мужественное не выглядело на его сцене холодновато-монументальным, сильное — равнодушным, горькое — спокойным безразличием.

У Сталинградского театра интересный репертуар, хорошие, по-настоящему профессиональные актерские и режиссерские кадры. Пожелаем же ему больших и новых успехов, чтобы все талантливые начинания обрели совершенное художественное выражение, а просчеты были сняты кропотливой и творческой работой.

И. Вишневская,
кандидат искусствоведения.
НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Сыновья». Павел — народный артист РСФСР К. СЕНИЦЫН (справа), Петр Кулев — заслуженный артист РСФСР Д. ЯРСКИЙ.

Фото В. РАЕВСКОГО.